

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 34.023

А. Г. Кислов,
Е. М. Кропанева

О РОЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ДОСТОЙНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ

Аннотация. В статье раскрывается содержание права на достойное человеческое существование и показана его непосредственная взаимосвязь с правом на образование, которое не только является важнейшим следствием и решающим условием реализации идеи достойной жизни, но и способствует соблюдению гражданских, политических, социально-экономических, социально-культурных прав. Шансы необразованного, мало или плохо образованного человека на достойное существование весьма сомнительны, а своими правами, в частности гражданскими и политическими, он просто не сумеет воспользоваться.

Авторами проведен ретроспективный анализ становления права на достойное человеческое существование, рассмотрены различные, в том числе отечественные варианты его теории и практики, описаны проблемы выражения его этического содержания в нормативных правовых актах и показателях экономического развития. Предпринята оригинальная попытка конструктивного примирения пафоса ревнителей права на достойное человеческое существование и скептиков, сводящих его к неверифицируемой декларативной мифеме или идеологеме. Образование выступает средством демифологизации и деидеологизации идеи права на достойное человеческое существование, которое, несмотря на рост общественного разочарования, сохраняет свое социальное значение не только и не столько как юридический феномен, сколько как необходимый комплексный полифункциональный универсальный инструмент социального саморазвития.

Результаты исследования могут найти применение при целеполагании в сфере образования и проектировании нормативных правовых актов в области образования и прав человека.

Ключевые слова: права человека, достоинство, качество жизни, образование.

Abstract. The paper looks at the issue of the human right for decent life and its direct link with education that facilitates the observance of civil, political, economic and cultural rights and is regarded both as a condition and consequence of fulfilling the decent life idea. The chances of a non-educated and poorly educated people for the decent life are doubtful, not to speak of the civil and political rights that can't be properly exploited.

The authors give the retrospective analysis concerning the formation process of the human right for decent life; its theoretical and practical variations including the domestic ones being described along with the problem of its ethical content reflected in normative legal acts and indices of economic development. Education leads to demythologizing and rejecting the ideological aspect of the above human right idea, the latter being the necessary complex universal multifunctional instrument for social self-development, rather than a judicial phenomenon.

The authors made an attempt to reconcile the pathos of the human right adherents and the skeptics reducing the idea to the declarative unverifiable myth or ideology. The research output can be used both for goal-setting in educational sphere and normative legal acts development concerning education and human rights.

Index terms: human rights, dignity, quality of life, education.

С конца XVIII в. провозглашаемые и законодательно закрепляемые права, относящиеся к категории естественных и неотчуждаемых, стали концентрироваться вокруг идеи свободы человека, которая с этого времени начала утверждаться как высшая ценность. С середины XX столетия эта идея была дополнена правом на достойное человеческое существование.

Общепризнанно разграничение прав на три поколения: первое – гражданские и политические, второе – социально-экономические, третье – социально-культурные. Право на образование относят и ко второму, и к третьему, хотя более резонно говорить о нем как о решающем условии реализации права на достойное человеческое существование, интегрирующего составляющие всех трех поколений. В самом деле, шансы необразованного, мало или плохо образованного человека на достойное существование весьма сомнительны, а своими правами, в том числе гражданскими и политическими, он просто не сумеет воспользоваться.

Обсуждение права на достойное человеческое существование активизировалось с середины XIX в., однако его истоки лежат глубоко в истории культуры. Они обнаруживаются уже в мифах о рае и аналогичных им верованиях. В античности естественное (по природе) право на достойное существование являлось привилегией элиты свободного населения, а свобода человека трактовалась как его ответственность за свой разумный выбор. Многие христианские богословы рассматривали праведность в контексте права на сообразную достоинству (благим поступкам в соответствии с Десятью заповедями) жизнь. Ранние представления о достойном че-

ловеческом существовании и праве человека притязать на него всегда сильно увязывались с социальным статусом. Христианство, своим вероучением в значительной мере уравнивающее всех перед Богом, способствовало постепенному распространению идеи всеобщих естественных прав людей независимо от их статуса (происхождения, собственности, должности и т. д.). В Новое время точка зрения на естественную природу определенных прав, которыми каждый обладает с рождения, получила юридическое закрепление. Причинами тому стали автономизация индивида, частная собственность как важное проявление и существенная основа этой автономизации, рост и общественное поощрение предприимчивости, тенденция постепенной индивидуализации уклада жизни, все более массовая установка индивидуализированных людей на противостояние властям и т. п. Наделение правами значительного и неуклонно расширяющегося круга лиц неизбежно должно было привести к исчезновению античных и средневековых *прав-привилегий*, связанных с социальным статусом, и к признанию общих прав за любым представителем человеческого рода.

Среди существующих всеобщих прав обращают на себя внимание такие, как удовлетворение основных жизненных потребностей, реальное обеспечение людей необходимым материальным достатком, устранение нищеты, постепенное уравнивание всех в нравственных и материальных выгодах и социальная ответственность государства за них. Данные права впервые были закреплены в «Декларации прав Виргинии» 1776 г., затем – в Конституции США 1789 г. и Конституции Якобинского Конвента от 24 июня 1793 г. Пусть частично и неявно, но содержательно они уже выражали идею права на достойное человеческое существование, постепенно складывающуюся в целостный комплексный феномен.

В конце XVIII – начале XIX в. идея права на достойное человеческое существование проявилась в признании общего стремления к счастью, что и стало впоследствии идеологической основой социально-экономических прав второго поколения, в том числе прав на труд, справедливое вознаграждение за него, пособие по безработице и болезни, пенсию, бесплатное образование, охрану здоровья и т. п. – необходимых, хотя и недостаточных для счастья. Особенностью конституционных установлений о правах человека

этого периода было то, что они провозглашали и оберегали права преимущественно граждан конкретных государств, при этом нередко сильно их дифференцируя. Причем конституции ограничивались перечнем гражданских и политических прав, а экономические и социальные права обозначались и рассматривались лишь выборочно, как побочный продукт первых.

В трудах Дж. Локка, Ш. Л. Монтескье, Д. Адамса, Д. Медисона, Т. Джефферсона, И. Канта, Г. Гегеля и других авторов, опиравшихся не только на достижения предшествующей социальной, политической и правовой теории и практики, но и на идею социальной ответственности государства, сформулированную Т. Пейном и частично воспроизведенную в Декларации прав человека Якобинского Конвента, была разработана концепция правовой государственности. В результате дискуссии оформились две основные позиции. Одна из них состояла в том, что достойное существование всех и каждого должно обеспечиваться государством всеобщего блага (государственный эвдемонизм). Другая – противоположная – была представлена критическими возражениями, лучше всего изложенными И. Кантом и В. фон Гумбольдтом. Государство всеобщего блага, по И. Канту, с неизбежностью ведет к деспотизму, подавлению индивида государственным механизмом, тогда как достойное существование – это максимум свободного индивидуального действия, этико-религиозная обязанность добродетели, но не правовой принцип.

В конце XIX – начале XX в. проблемы социально-экономических прав вышли на первый план. В Западной Европе обозначилась тенденция демократизации общественно-политических организаций и процессов. Выступления трудящихся, акции протеста все явственней приобретают социалистическую направленность, выдвигаются требования расширения социальных прав личности, что вынуждает правительства заниматься вопросами социально-экономического положения населения, разрабатывать социально-ориентированные программы и вносить соответствующие изменения в законодательство. Идея достойного существования воплощается в концепции определенных насущных потребностей, удовлетворение которых государство обязано гарантировать каждому человеку.

Признание социально-экономических прав происходило в острой борьбе, фактически речь шла о радикальном изменении правовой доктрины. Особую роль в полемике, сопутствующей этим изменениям, сыграли мыслители, занимающиеся теорией социального государства. Среди них следует выделить прежде всего А. Менгера (1841–1906), который впервые обстоятельно рассмотрел понятие достойного человеческого существования, и Г. Еллинека (1851–1911), утверждавшего, что личность должна обладать *правом-притязанием* в отношении государства, а государство, являющееся правообязанным по отношению к гражданам, должно предоставлять каждому тот объем прав, который помогает достичь позитивного состояния (*status civitatis*). В качестве особых Г. Еллинек выделяет права индивидуумов на положительные услуги со стороны государства, что равносильно праву-притязанию лица по отношению к государству. Достойное человеческое существование находится в прямой зависимости от правопритязательной мощи личности и правообязанной позиции государства. Заметим, что правопритязательная мощь личности прямо в значительной степени зависит от ее образованности.

Концепция правовой государственности формировалась в общем контексте ценностей эпохи Просвещения: веры в мощь человеческого разума (а следовательно – науки), в автоматизм возрастающих положительных технических и социальных последствий всеобщего основанного на научных воззрениях образования, стремлении приобщить всех к достижениям человеческого разума и сделать тем самым разумным мир, в котором живет человек. Можно вывести мировоззренческую формулу этой эпохи: чем просвещеннее (разумнее) человек, тем выше его достоинство.

Понятие достоинства человека также имеет свою историю и неоднозначно трактуется по сей день. В древности оно связывалось с предназначением, которое зависело от происхождения и статуса. Автономизация индивидов привела к распространению максимы «будь самим собой!» В настоящее время достоинство человека является, преимущественно, выражением его личностной ценности. Западные мыслители под влиянием христианства наделяли идею достойного человеческого существования универсализмом вне зависимости от расы, национальности и культуры.

XX подверг испытаниям ценности Просвещения, поколебал убежденность в тождестве разума, с одной стороны, и заставил усомниться, что есть благо и достоинство – с другой. Мировые войны проблематизировали отношения науки и морали, а в некоторых случаях резко и убедительно развели разумность и добродетель. Крайне неоднозначными стали представления о человеческом достоинстве, а значит, и об обеспечении права на него. Латентно стала признаваться декларативность этого права, неverifiedируемость его реализации. Так, в основополагающие международные документы вошли рекомендации об обязательности всеобщего начального образования, о доступности иных уровней образования, сопровождающиеся, однако, оговорками об обусловленности права на образование экономическими возможностями стран. При этом правительства большинства стран мира возложили бремя финансовых расходов на образование на тех, кто его желает получить.

Не в последнюю очередь по причине декларативного характера права на достойное человеческое существование (в том числе и на образование) в современной социально-экономической литературе часто встречаются попытки конкретизировать определения достойного существования и свободного развития человека, прежде всего, понятием качества жизни (Э. Аллард, А. И. Субетто, И. Крэвис, М. Джилберт и др.). Вопреки восходящему к Г. Гегелю толкованию, последнее имеет отношение не столько к качеству («равной себе определенности»), сколько к количеству («безразличной к себе определенности») потребляемых товаров и услуг, мере удовлетворения основных жизненных (прежде всего, физиологических) потребностей. Таким образом, право на достойное человеческое существование сводится к измеряемому уровню, по преимуществу, материального благосостояния, обеспеченности людей жизненными благами, средствами существования, к «потребительской корзине». Однако разница между достойной жизнью и потребительской корзиной как всего лишь необходимым ее условием очевидна.

Стремление закрепить подобный смысл за трактовками качества и уровня жизни не только не проясняет ситуацию, а, наоборот, еще больше ее запутывает, что подтверждается реальными фактами последствий суженных представлений о достойном суще-

ствовании, обострением социальных проблем, которые пока мало исследованы. Так, когда в бытность СССР эскимосов переселили из чумов в комфортабельные квартиры, уровень их жизни повысился, но резко повысился и уровень смертности – они стали вымирать от тоски. На территории бывшей ГДР после присоединения к ФРГ материальные условия улучшились в три раза, однако число самоубийств, уровень преступности и смертности также резко выросли [1, с. 2]. Резервации индейцев в Северной Америке явились попыткой уйти от прямолинейного «осчастливливания» аборигенов по меркам потомков переселенцев из Старого Света, но европеизированные школы для детей коренного населения оказались не столько реализующими их права (в частности, на образование), сколько ущемляющими их [4, с. 169–195; 231–232]. Тем не менее включение в показатели качества жизни субъективных оценок, связанных с представлениями людей о достойной жизни, а также признание среди показателей значительного веса образования и творчества, раскрывающих специфический человеческий потенциал, стало знаменательным.

Ощущение счастья, удовлетворенность жизнью и самочувствие людей не изоморфны экономическим показателям. «Если мы попытаемся объяснить мироощущение людей на основе объективных обстоятельств, мы оставим непонятой большую часть того, что нам необходимо объяснить» [5, р. 13–14]. К тому же, человек существует не только как индивид, но и как член семьи, какой-либо организации и локального сообщества, поэтому многие исследователи рассматривают оценки качества жизни в разнообразных контекстах (в рамках различных объединений, этнических или региональных групп, наций и т. д.). Более того, общая оценка людьми своего существования является суммой оценок частных сфер: личная жизнь, дружеские отношения, материальная обеспеченность (наличие дома, машины и проч.), место жительства, здоровье и т. д.

В связи со сказанным вопрос об интегральном показателе уровня жизни остается открытым, а его отсутствие не позволяет дать обобщенную оценку состояния страны (региона) с точки зрения уровня жизни населения, что, таким образом, делает невозможным комплексное исследование социально-экономического развития государства или отдельной территории. Представление о том,

что производство все большего количества товаров и услуг является наилучшим путем повышения уровня жизни и решения других социально-экономических задач, как стало ясно уже многим, является односторонним: уровень жизни может быть относительно низким при высоких показателях экономического роста.

Частичным показателем качества жизни, получившим к настоящему времени распространение и признание, является индекс человеческого развития (ИЧР – HDI (human development indicator)), или, в другом переводе, – индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), который с 1990 г. применяется в документах ООН. Этот многофакторный расчетный статистический показатель учитывает не только объемы потребления материальных благ, но и возможности для развития человека, обеспечиваемые системами здравоохранения и образования [3, с. 10]. ИРЧП включает в себя оценку по основным показателям, таким как средняя продолжительность жизни, состояние здоровья, уровень образованности, благосостояния, доходов. Специальная комиссия ООН в ежегодных докладах о развитии человека определяет данный индекс для всех стран мира. Но в ИРЧП не входят такие важные индикаторы, как соблюдение прав человека, демократических свобод и социального равенства.

Согласно Т. Фридману, мировая экономика вступила в третью стадию глобализации [6, р. 45–46]. Сначала глобализация была уделом государств, позже – корпораций, а в наше время в нее все активней включаются конкретные люди и миниколлективы. Уникальность современной ситуации состоит в том, что отдельные индивидуумы и небольшие группы людей впервые за всю историю человечества получили возможность сотрудничать и конкурировать на мировом рынке в качестве полноценных и полноправных производителей и потребителей товаров и услуг. Эти партнеры-конкуренты могут вступать в экономическое соревнование во всех странах и на всех континентах, создавая новые корпорации или модифицируя работу уже существующих. Их шансы на успех определяются не гражданством и местом жительства, а образованием, способностями, упорством, изобретательностью и доступом к мировой коммуникационной системе. «С тех пор как информационная революция сделала знания доступными любому абоненту Ин-

тернет, изменились не только правила игры на поле всемирной экономики, но другой стала сама наша планета. Земля опять оказалась плоской, ибо все теперь в равном положении» [6, р. 45–46].

Как справедливо утверждает Б. Гейтс, «есть три фактора, которые определяют твою конкурентоспособность – это твои знания, это доступ к технологии, которая связывает тебя с теми, кто обладает похожими знаниями или иными знаниями, и третье – это среда, которая мотивирует тебя на развитие. И вот если человек попадает в среду, которая ориентирует его на взаимосвязь с другим миром или с окружающим его миром за пределами своего города, села, страны, социального слоя, в котором он находится, и при этом человек вооружен знаниями, сопоставимыми с тем, как вооружен этими знаниями его коллега или сослуживец в Индии, в Бангладеш, в Канаде, в любой другой точке мира, человек становится значительно более свободен в принятии решений: чем заниматься, какую пользу обществу приносить и куда двигаться дальше» [цит. по: 2].

Главным богатством в XXI в. становится интеллектуальный потенциал: 70% ВВП развитых стран создается за счет интеллектуальных ресурсов (в России же 5–10%) [2]. Происходит интеллектуализация производительных сил, творчество становится главной функцией управления. Появляется креативный инновационный менеджмент как форма управления фирмами, ориентированная на раскрытие творчества, создание инновационного потенциала, разработку стратегий поведения на рынке с целевыми установками на «технологические прорывы». Моритани Масанори выделяет факторы успеха японских фирм – три «И», в которых выражается содержание интеллектуально-инновационной революции: исследования, инновации и инвестиции.

Результатом эволюции мировой экономики явилась дифференциация государств на два класса: одних – «горячих», т. е. «быстроходных», науко-, образовательно- и информоемких, других – «холодных», «медленноходных», со слабой восприимчивостью науки и образования, с низким уровнем концентрации капитала. Интеллектуально-инновационная революция в первую очередь коснулась стран первого класса, в которых процесс «разогревания экономик» сопровождается интеллектуализацией производительных рабочих

сил общества. Как правило, в крупных экономических структурах – корпорациях, компаниях – появляются внутренние системы образования. Постоянное повышение квалификации персонала компаний становится образом их жизни, составляющей ее качества.

Качество жизни, бесспорно, включает право на достойное существование, которое из юридической плоскости переключалось преимущественно в область экономической статистики, т. е. большей конкретности. В замене проблематики права на достойное человеческое существование, страдающего декларативностью и не-верифицируемостью, проблематикой качества жизни отражается стремление к деидеологизации первого. Такое направление мысли выглядит вполне логичным на фоне широкомасштабного разоблачения основ тоталитарных режимов XX в. и на фоне сформировавшейся академической традиции демифологизации религиозных основ, прежде всего, европейской культуры.

Декларативные юридические документы ориентируют на «идеальное общество», где гражданам обещают реализацию разновидности извечной мечты о земном рае. Современный образованный человек, вооруженный научными представлениями о мифах и идеологиях, в частности юридически оформленных вариантов, способный к их разоблачению, деконструкции, освобождается как от слепой веры в декларации, так и от социального нигилизма и вытекающей из него агрессии, направленной на других и/или на себя. Благодаря отвечающему запросам времени социально-гуманитарному образованию вырабатывается отношение к мифам, идеям, правовым декларациям не как к сакральной истине и не как к обману властей, а как к инструменту, как к условной смысловой рамке, позволяющей людям понимать друг друга и на этой основе совместно оптимизировать устройство общественной жизни.

В таком обществе идея права на достойное человеческое существование обеспечивает консенсусную основу взаимодействия, играет роль ценностно-смыслового кода, с помощью которого формируется язык общения между элитой и большинством. Так декларативное право на достойное человеческое существование становится инструментом профилактики и устранения социальных потрясений.

Итак, имеющая архетипические истоки и продолжительную предысторию идея права на достойное человеческое существование только к середине XX в. приобрела основополагающее общественное значение, что выразилось в ее юридическом закреплении сначала в конституциях отдельных стран, затем в международных документах и, наконец, почти во всех национальных законодательствах. Официально признанное в современном мире право на достойное человеческое существование еще сохраняет восходящую к эпохе формирования его идеи антиномию индивидуализма и патернализма, чем объясняются нестрогие, неопределенные, рекомендательные формулировки, за малым исключением практически игнорируемые государственными и иными властями, но используемые ими же в целях манипулирования общественным сознанием и ограничения свобод личности. Осознание антиномичности данного права разоблачает его как манипулятивный инструмент элит и, следовательно, дискредитирует на уровне общественного сознания. Попытки преодоления антиномии путем редуцирования с помощью количественных показателей «уровня жизни», «потребительской корзины» и т. п. комплексных критериев «качества жизни», распространившихся во второй половине XX в., привели к выхолащиванию содержания идеи права на достойное существование, тенденции признания ее юридической фикцией и попыткам деидеологизации этого права.

Тем не менее полная деидеологизация права на достойное человеческое существование невозможна, поскольку оно остается важнейшим элементом политико-правовой идеологии современного общества, выполняющим функции консенсусного основания неразрушительного взаимодействия различных международных и национальных сил, социальных групп и индивидов, играет роль общественно-политического идеала, критерия социально-экономического развития. Поэтому, несмотря на рост общественного разочарования, идея права на достойное человеческое существование сохраняет свое социальное значение не только и не столько как юридический феномен, сколько как необходимый комплексный полифункциональный универсальный инструмент социального саморазвития. Осознать все эти нюансы, равно как и воспользоваться своим правом на достойное человеческое существование, может

только образованный человек. Образование выступает и следствием, и условием реализации права на достойное существование, в том числе и условием его демифологизации и деидеологизации.

Литература

1. Гундаров И. А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Беловодье, 2011.
2. Времена. [Электрон. ресурс] URL: http://www.1tv.ru/owa/win/ort6_main.main?p_news_title_id=96078&p_news_razdel_id=102&p_pagenum=14.
3. Макаревич Л. М. 200 правил бизнеса. М.: Дело и Сервис, 2003.
4. Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб.: Ленато; АСТ; Фонд «Университетская книга», 1996.
5. Campbell A. The Sense of Well-being in America: Recent patterns and trends. NY: McGraw-Hill, 1981.
6. Friedman T. L. The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-First Century. Washington ProFile. Updated and expanded. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2006.